

3.

Су Цзянь вертел в пальцах чернильную бумагу. На ощупь она была по-прежнему странной. Он не удержался и с силой потер её, вспоминая слова старика: сначала нужно пропитать её чайной заваркой.

Су Цзянь достал из коробки тот самый пузырек с чаем. Жидкость внутри оставалась ледяной, холод пронзил нервные окончания на кончиках пальцев, заставив его несколько раз содрогнуться от озноба.

Температура была поистине странной.

Су Цзянь поднес пузырек к глазам, нахмурившись, и пристально вгляделся в прозрачную синеватую жидкость. Долгое созерцание ничего не дало, и он решил оставить это дело. Он видел в жизни немало странностей, так что удивляться перестал.

Словно недовольная таким равнодушием, в следующую секунду заварка повела себя еще страннее. Будто заупрямилась. Заметив перемены, Су Цзянь снова опустил взгляд на пузырек. Ему не показалось: чай начал отдавать тепло, температура медленно ползла вверх.

Су Цзянь: «???»

Пока он остолбенел, температура чая подскочила до такой степени, что жидкость закипела. Вот уж действительно сюрприз. Су Цзянь вытаращил глаза: в черных зрачках отражался пузырек, на поверхности синего чая бурлили пузыри... Казалось, жидкость торжествовала, в полной мере оправдывая определение «странная».

Лишь когда до его заторможенного мозга дошло, что кончики пальцев жжет от жара, Су Цзянь мгновенно поставил пузырек на стол и бросился в ванную, подставляя обожженные пальцы под струю холодной воды.

Вернувшись в комнату, он прихватил небольшой тазик, поставил его на пол и бросил туда чернильную бумагу. Затем быстро откупорил пузырек и вылил весь чай в таз.

Прозрачная струя прорезала воздух, и чернильная бумага в тазу преобразилась. Её ровные края вдруг выгнулись, образуя две небольшие горки, которые затем разделились на волны. Эти волны, словно обретя глаза, стремительно потянулись вверх и точно впитали в себя всю воду, оставшуюся в воздухе, не проронив ни капли.

Су Цзянь посмотрел на восстановившуюся чернильную бумагу и ущипнул себя за щеку. Он не спал.

Пропитка завершена.

Су Цзянь осторожно вынул бумагу из таза. К его удивлению, она не ощущалась мокрой, как обычная бумага после воды — казалось, она поглотила всю жидкость без остатка. На ощупь она оставалась такой же странной. Су Цзянь не удержался, погладил её еще пару раз, а затем, с трудом расставшись с ней, разложил на столе.

Далее следовало зажечь свечу. Мерцающее пламя бросало неровные блики на чернильную бумагу, добавляя комнате зловещей атмосферы.

Теперь — написание письма кровью.

Стоп. Су Цзянь остановился.

Паренек, не шути со своим временем. Как только примешь решение, будь готов потерять всё...

Потерять всё — что это значит? Су Цзянь поднял глаза на дверь. Потерять папу и маму? Лишиться дома? Или это значит буквально всё, что у него есть? Даже саму жизнь...

Он опустил голову, без конца повторяя про себя слова: потерять всё.

Щелк. Часовая и минутная стрелки настенных часов замерли на восьми. Су Цзянь прокусил указательный палец правой руки и начал выводить иероглиф за иероглифом. Почему-то он чувствовал: если не сделает этого сейчас, то, когда чай на бумаге испарится, он горько пожалеет.

Он помешался. Он определенно сошел с ума.

Острая боль, пронзающая сердце при каждом движении пальца, постепенно стихла по мере того, как он терся окровавленным пальцем о бумагу. Как только последняя черта была выведена, секундная стрелка на часах внезапно пришла в движение. Тик-так, тик-так — она продолжала двигаться, медленно подталкивая минутную стрелку вперед, а часовая слегка дрогнула. Мерцающее пламя свечи тоже замерло и теперь горело ровно и тихо.

Казалось, будто момент, когда он прокусил палец и писал кровью, был лишь сном.

Су Цзянь сам не зная почему, резко поднял голову. Его взгляд мгновенно прояснился, и тут он заметил, что на прежде чистой свече появился красный рисунок — его собственный портрет в стиле чиби.

Пламя свечи снова начало тихонько подрагивать, освещая белую восковую поверхность и ярко-красные линии. В какой-то момент показалось, что нарисованный человечек ожил...

Эта свеча... Су Цзянь нахмурился, внимательно наблюдая за ней, пытаясь найти хоть какое-то

логическое объяснение происходящему. В голове мелькнула какая-то мысль, но прежде чем он успел её ухватить, лежащая под рукой чернильная бумага вдруг стала невесомой. Она взмыла вверх, и по мере того, как узоры на ней превращались в туман, бумага закружилась в воздухе и развеялась.

Су Цзянь смотрел на то, как исчезает бумага, не моргая. Наконец, он сильно ущипнул себя за руку и уставился на два красных следа на предплечье.

Су Цзянь был бледен, и эти следы смотрелись очень отчетливо. Но главное — он не чувствовал ни капли боли.

Да это же, черт возьми, точно сон...

Думая об этом, он снова со всей силы сжал кожу в месте укуса.

— Я...

Слово черт не успело сорваться с губ, как мысли спутались, и знакомое чувство паники накрыло его с новой силой. На этот раз еще мощнее.

— Мама...

Силы покинули тело Су Цзяня. Он открыл рот, чтобы выкрикнуть лишь одно слово, и рухнул на пол. В ту же секунду что-то внутри начало насильственно отделяться, и возникшее ощущение разрыва было подобно тысячам острых клинков, вонзающихся в сердце, руки, ноги, голову... и даже в самую душу.

Су Цзянь тяжело дышал, словно умирая. Невыносимая боль поглощала его, пока он не услышал, как открылась дверь:

— Малыш! Малыш! Что с тобой...

Последний проблеск сознания погас.

Бум... Бум! Бум!

В уши ворвался ритм диджейского сета. Звук становился всё громче, пять чувств Су Цзяня постепенно возвращались, музыка становилась отчетливее...

Веки словно склеило, он никак не мог их открыть, оставалось лишь напряженно вслушиваться в происходящее вокруг. В грохот музыки вплетались сладкие стоны, доносившиеся совсем близко, казалось, прямо у самого уха.

— Что такое? — внезапно раздался отчетливый голос, низкий, хриплый и наполненный едва уловимым вождением. — Тебе плохо?

В голове у Су Цзяня прогремел взрыв, все чувства мгновенно встали на свои места.

— Малыш? — мужчина наклонился еще ближе.

Сила, державшая веки Су Цзяня, исчезла. Он открыл глаза и увидел перед собой невероятно красивое лицо, но не успел насладиться зрелищем, как ощутил странность в одной части тела.

Су Цзянь открыл рот, но вместо слов из горла вырвался сладкий стон. Услышав этот странный звук, Су Цзянь широко раскрыл глаза, его мозг опустел. Затем он услышал, как мужчина тихо рассмеялся, прижался к его уху, целуя, а потом поцеловал его приоткрытые влажные губы. В этот момент странное ощущение в теле резко усилилось, и только что вернувшиеся чувства Су Цзяня без всякого предупреждения снова были поглощены этим чувством...

На следующий день, уже после полудня, Су Цзяня разбудил яростный женский рев.

— Ян Цзымин!!! Твою мать, ты чего еще спишь?! А ну быстро поднимайся! Господин Су пришел, лично тебя требует!

Су Цзянь нахмурился, медленно пошевелил руками и ногами.

— Черт! — только и смог выдать он сквозь стиснутые зубы.

Невыносимая ломота во всем теле ударила в мозг, сознание, которое было затуманено, мгновенно прояснилось. Он по привычке обнял одеяло и перевернулся на другой бок, спиной к шумной двери, но тут боль вспыхнула с новой силой, заставив его судорожно вдохнуть.

Женщина за дверью потеряла терпение. Выругавшись, она с силой пнула дверь:

— Живо вставай! Не думай, что если вчера переспал с тем богатым придурком, он придет тебя защищать!

В комнату ворвался густой запах алкоголя. Су Цзянь проигнорировал её, лишь поморщился,

пытаясь отгородиться от неприятного амбре. Поясница невыносимо болела, казалось, кости вот-вот разойдутся, а всё тело горело огнем, будто его натерли перцем. Он вытер невольно выступившие слезы и начал медленно, осторожно растирать поясницу — после вчерашних упражнений он всерьез опасался, что его хрупкая спина сломается.

— Ян Цзымин! — женщина пнула маленький столик у кровати, и чашки с чайником с грохотом разлетелись вдребезги.

Ян Цзымин?

Рука Су Цзяня, растирающая поясницу, замерла. Это его зовут?

Увидев, что он всё еще не собирается вылезать из-под одеяла, женщина на своих десятисантиметровых каблуках подошла ближе и, икая, закричала:

— Что такое? Вчера только пришел, переспал с богатым красавчиком и возомнил себя пупом земли?

Су Цзянь повернул к ней голову, моргая, совершенно не понимая, о чем она говорит. Женщина схватила его за воротник и с немалой силой дернула, поднимая с кровати. Её лицо, густо накрашенное, исказилось, а из ярко-красного рта летели брызги слюны:

— Ха, дети такие наивные. Думаешь, тот мужик хороший? Ему нужно только твое тело! Вчера так оторвались, посмотрим, придет ли он еще раз!

Выплеснув гнев, женщина отпустила воротник, сняла туфли, постучала ими по полу и снова посмотрела на Су Цзяня, сидящего на коленях:

— Не думай, что с такой смазливой мордашкой можно капризничать, бездельничать и делать что хочешь! Однажды твое лицо увянет, и у тебя не останется ничего...

Су Цзянь смотрел на неё с каменным лицом, не проронив ни слова. В голове царил полный хаос.

— Одевайся быстрее, не копайся! Ты всё-таки первый день по-настоящему работаешь... Как ты можешь произвести плохое впечатление на хозяйку? — женщина надела туфли и, усмехнувшись, направилась к выходу, продолжая ворчать: — Первый раз вижу такого идиота, который переспит с сотрудником бара, а потом прибегает с утра пораньше, сует деньги и просит дать сотруднику выспаться...

— Чего только не бывает на свете...

Безумная женщина ушла, оставив Су Цзяня одного на полу. Незнакомая обстановка приводила его в замешательство. Спустя некоторое время он с трудом поднялся и сел на кровать, ощупывая мягкую ткань одежды, и обвел комнату своими персиковыми глазами, в которых стоял влажный блеск.

Значит, Торговля Временем прошла успешно?

При трении указательного пальца о ткань возникла легкая боль. Су Цзянь посмотрел на запекшуюся ранку на подушечке пальца. Он уже не мог разобрать, кто именно его укусил. Вчера он запустил Торговлю Временем, укусив себя, а ночью тот мужчина, что был сверху, держал этот же палец во рту и слегка покусывал.

Су Цзянь был тогда почти без сознания, но острое чувство боли на кончике пальца врезалось в память настолько сильно, что он помнил это даже когда мужчина нес его в ванную. Рана, оставленная мужчиной, и его собственная практически совпали — размер и форма были идентичны. Су Цзянь пристально смотрел на след укуса.

Слишком уж большое совпадение...

Су Цзянь догадывался, что всё происходящее связано с Торговлей Временем, но ведь обещали возврат во времени, почему же его забросило в это странное место? Разве он не должен был попасть...

Зрачки Су Цзяня сузились, он отчаянно пытался вспомнить содержание чернильной бумаги. Мозги закипали. Воспоминания, словно дым, растворились в воздухе, улетучившись неизвестно куда.

Су Цзянь понуро сидел на краю кровати. Ситуация была ясна: он сам прыгнул в глубокую яму. Говорил ведь, что нужно идти навстречу трудностям, вот и договорился — сам себя загнал в ловушку!

А если говорить о том, что он натурал, которого вчера довел до обморока другой мужчина... от этой мысли его начинало трясти от раздражения. Ладно, считай, что его покусала бешеная собака, сам виноват.

Виски пульсировали от досады. Он схватил одеяло и с силой швырнул его на пол. Больше не на ком было сорвать злость.

Он про себя несколько раз проговорил основные социалистические ценности, чтобы успокоиться. Спустя некоторое время, когда гнев утих, Су Цзянь выдохнул, подавил негативные эмоции и натянул на лицо подобие улыбки.

Раздражение раздражением, а жить дальше надо.

Настроившись на нужный лад, он потянулся за одеждой, аккуратно сложенной у подушки, но снова задел поясницу и ягодицы, отчего невольно выругался. Гнев вновь начал закипать. Су Цзянь поспешно прижал руку к груди.

Спокойствие, только спокойствие...

Преодолевая боль, он переоделся в форму бара, зашел в крошечную ванную и, глядя в зеркало, приподнял воротник, пытаясь скрыть красные следы на шее. Эти пятна напугали его до смерти: на шее еще ладно, но на теле были огромные синяки, словно его пытали.

Су Цзянь стиснул зубы. Какова бы ни была причина вчерашних событий, если он еще раз встретит этого кобеля, то изобьет его до полусмерти, так, что родная мать не узнает!

Он снова успокоился, вытер зеркало от пятен и, взглянув на свое отражение, не поверил глазам. Лицо было точно таким же, как его собственное!

Что это значит? В голове у Су Цзяня был полный беспорядок. Торговля Временем отправила его сюда, не дав никаких подсказок. Он раздраженно потер лицо, не зная, что делать дальше.

Ничего не приходило в голову. Он просто выкрутил кран на полную и начал умываться холодной водой.

Время переплетается, цена — дар свыше, непредсказуемый. Жизнь дается лишь раз, будьте осторожны, начиная Торговлю Временем.

Слова старика эхом отдавались в голове. Су Цзянь опустил глаза, капли воды стекали по щекам, а шум воды лишь подчеркивал тишину вокруг. Окна были плотно задернуты тяжелыми шторами, в комнате было полутемно. Су Цзянь уперся руками в раковину, посмотрел на огни ночного города, пробивающиеся сквозь щель в дверях, и вдруг что-то вспомнил, ударив себя по лбу.

Эта женщина только что назвала его Ян Цзымином!

После бесконечного забытья Ши Юй резко вскочил с кровати. Он жадно вдыхал свежий воздух, его грудь вздымалась. Смятение, недоумение — чувства захлестнули его.

Где это он?

Затем Ши Юй машинально огляделся и пришел в еще большее замешательство. Одинокое общежитие? Даже если его удалось спасти, он должен был находиться в больничной палате. А

его тело... почему на нем нет ни единой царапины?

Терзаемый сомнениями, Ши Юй быстро обвел взглядом комнату и остановил взгляд на зеркале у изголовья. Зеркало отражало его нынешний облик: лет семнадцать-восемнадцать, очень красивое лицо.

Проблема в том, что это не он! Раньше он был двадцатилетним молодым человеком, уже успевшим поработать. А сейчас выглядит как старшеклассник...

Эта перемена надолго выбила Ши Юя из колеи. Только не говорите ему, что операция прошла успешно...

Тело, внешность изменились — это уже не вопрос хирургии, а какая-то магия. Он полностью превратился в другого человека! Может... он попал в другой мир?

Помимо зеркала, висящего в неудачном с точки зрения фэншуй месте, Ши Юй обнаружил три книги. Взяв одну из них, он замолчал.

«Руководство по воспитанию зверей для начинающих».

«Уход за зверем-питомцем после родов».

«Гид по оценке девушек с ушками зверя».

Ши Юй: ???

Первые две книги еще ладно, но что с третьей?!

— Кхм.

Ши Юй собрался, протянул руку, но тут же замер. Как только он собрался открыть третью книгу, чтобы посмотреть, что это такое, его мозг пронзила острая боль, и огромное количество воспоминаний хлынуло в сознание, словно поток воды.

<http://bllate.org/book/18680/1805049>